

УДК 338.27

П. А. Минакир, А. П. Горюнов

Пространственно-экономические аспекты освоения Арктики

P. A. Minakir, A. P. Goryunov

Spatial and economic aspects of development of the Arctic

Аннотация. Анализируется сложившаяся модель освоения Арктической зоны Российской Федерации; рассмотрены вопросы стратегического развития Арктики; выявлены основные проблемы, связанные с реализацией государственной региональной политики в отношении Арктической зоны России.

Abstract. The existing model of development of the Arctic zone of the Russian Federation has been analyzed; some questions of strategic development of the Arctic have been considered; basic problems of realization of state regional policy in the Arctic have been revealed.

Ключевые слова: Арктика, прогнозирование регионального развития, пространственное развитие, региональная политика.
Key words: the Arctic, forecasting of regional development, spatial development, regional policy.

Введение

После перехода российской экономики к восстановительному росту в начале 2000-х гг., а особенно после установившихся к середине нулевых годов XXI в. высоких мировых цен на углеводороды, что способствовало переходу от дефицитных к профицитным бюджетам, экономическая политика в России быстро эволюционировала от политики "выживания" ценой безмерного урезания бюджетных расходов к политике бюджетного расточительства, которая быстро распространилась на частную сферу и превратилась в стратегию внешнего заемного финансирования. При этом бюджетная политика оказалась ориентированной на поддержание совокупного внутреннего спроса через механизм формирования государственных корпораций и реализацию так называемых "мегапроектов", которые представляли собой преимущественно имиджевые проекты. Такие проекты имели ограниченное влияние на воспроизводственную динамику отечественной экономики. Во-первых, значительная часть генерируемых ими спросовых шоков стимулировала импортные закупки, т. е. положительные эффекты локализовались за границей. Во-вторых, сами эти проекты были ориентированы либо на формирование инфраструктуры для сырьевого экспорта, либо на конечное потребление, т. е. структурные эффекты либо не генерировались вообще, либо были чрезвычайно слабыми.

С середины нулевых годов XXI в. число таких имиджевых проектов пополнилось проектами пространственного развития, которые существенно отличались от "традиционных" проектов пространственной организации. Последние были направлены на формирование агломерационных эффектов. "Имиджевые" проекты характеризуются, во-первых, чрезмерным пространственным масштабом, что практически исключает генерирование агломерационных эффектов в их рамках, а во-вторых, трансформацией конкретных задач по созданию базирующихся на стержневых производствах зон эффективной экономической концентрации (кластеров в современной терминологии) в страдающую принципиальной неопределенностью идеологию "развития мегарегионов".

Пространственное освоение Арктической зоны Российской Федерации

Яркой иллюстрацией подмены долгосрочной пространственной экономической политики "имиджевыми" пространственными проектами является объявление в конце 2013 г. национальным приоритетом "на весь 21-й век" развитие Дальнего Востока, что стало логическим завершением ранее принятой правительством государственной программы регионального развития, в которой объектом являлся даже не собственно дальневосточный экономический район, а "Дальний Восток и Забайкалье". Подобный объект, конечно, не может рассматриваться как реальный ареал формирования агломерационного эффекта. В действительности речь идет о завершающем этапе длительного периода освоения российского пространства вдоль южной широтной оси, этапе инженерного (инфраструктурного) обеспечения экспортопроводящей сети на тихоокеанские рынки (рис. 1).

Восточный фланг этой южной оси представляет собой обширные территории, которые характеризуются очаговым экономическим освоением (рис. 2). Именно такой характер освоения восточных пространств адекватен объективным экономико-географическим особенностям самого пространства. С этой точки зрения завершение периода пространственного освоения южного широтного пояса должно представлять собой "сжатие пространства", формирование эффективной транспортно-логистической инфраструктуры, обеспечивающей вывод сложившихся экономических очагов (зон концентрированного развития) на глобальные

рынки и развитие самих этих очагов, формирование институциональной среды, обеспечивающей трансляцию экономических и социальных эффектов их развития на сопредельные территории.

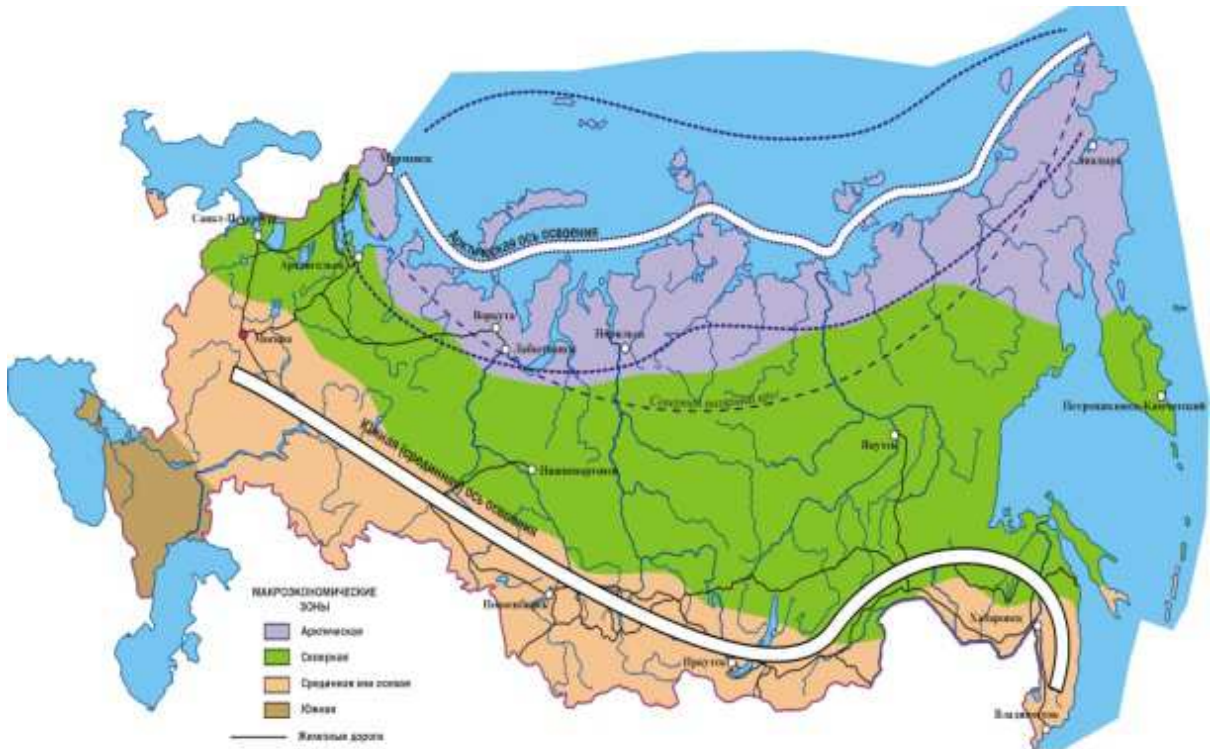

Рис. 1. Широтные оси освоения российского пространства*

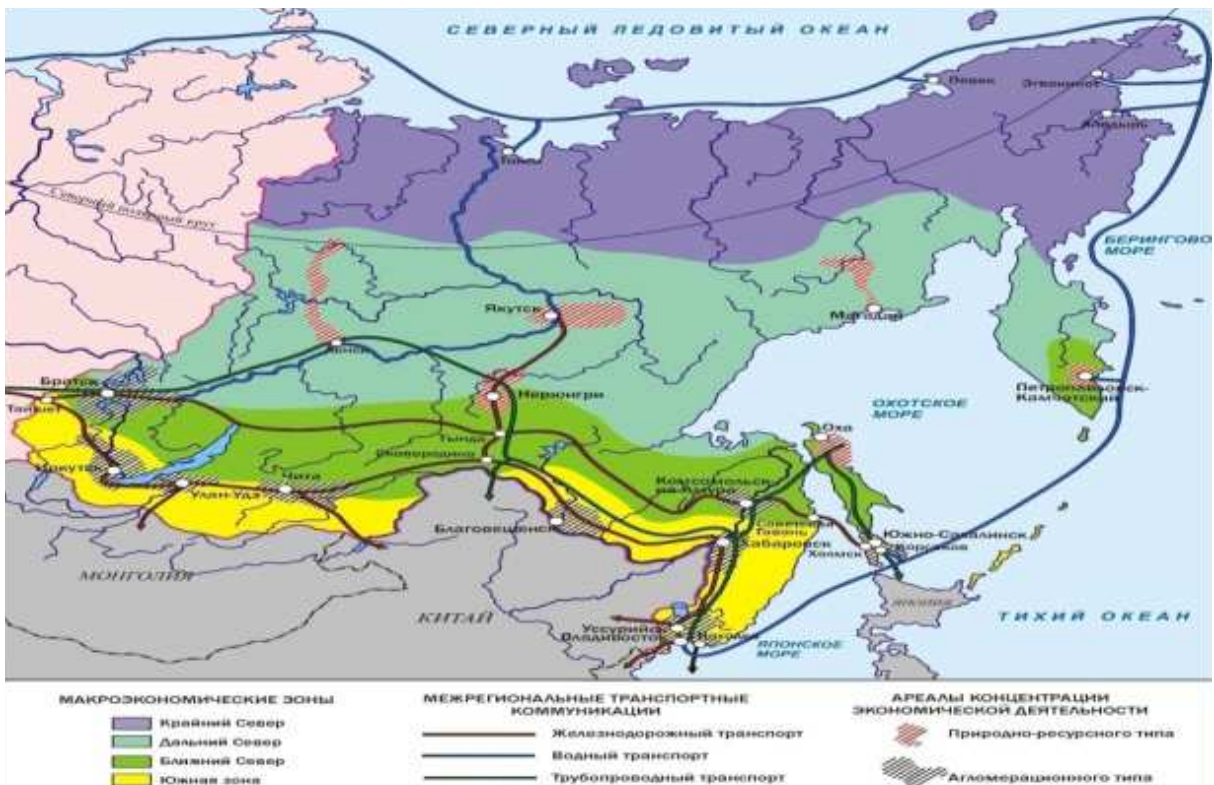

Рис. 2. Очаги экономического освоения Дальнего Востока и Восточной Сибири*

*Карта выполнена Демьяненко А. Н., Хижняком В. Д.

*Карта выполнена Вишневым Д. С., Демьяненко А. Н., Хижняком В. Д.

Трансформация этой ясной, с измеримыми результатами задачи в идеологему "ускоренное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона" превращает проект "замыкания" широтной оси освоения в умозрительную меридиональную модель "развития", которая претендует на сочетание сегмента "широтного пояса" на юге региона, где "развитие" в смысле диверсификации имеет экономические перспективы, с вертикальной осью на севере региона (здесь концентрированная экономическая жизнь возможна только в "полюсном" варианте). Смещение моделей развития, как правило, превращает конечное множество конкретных проектов, ориентированных на строго определенные цели (освоение рыночных ниш, максимизация дохода, технологическое развитие и т. п.), совокупность мультипликационных эффектов которых способна обеспечить общеэкономический и социальный прогресс региональных систем, в аморфные, не имеющие однозначного определения и измерения цели и задачи, которые порождают хаотичное множество плохо скоординированных, дублирующих друг друга, случайным образом эшелонированных во времени инвестиционных проектов. Такое превращение конкретных задач и проектов в неопределенные намерения способствует увеличению вероятности убывания продуктивности общественных затрат.

С этой точки зрения необходимо рассматривать и новую концепцию формирования северной широтной оси освоения, которая лежит в основе проекта "Арктика". Особенностью северной широтной оси (рис. 1) является то, что она в отличие от южной оси очерчивает пространство, в пределах которого интенсивная экономическая деятельность возможна только в пределах локальных полюсов на основе явных абсолютных преимуществ на всем протяжении с запада на восток, а не только в рамках восточного сегмента.

Рассчитанное на длительный период пространственное освоение Арктической зоны не является просто еще одним проектом развития в пределах определенной территории. Это фрагмент долговременной политики по сохранению и наращиванию национального экономического и политического потенциала, характеризующийся наличием нескольких взаимодополняющих целевых ориентиров:

- сохранение статуса России как важнейшего поставщика сырьевых ресурсов для глобальной экономики;
- парирование любых, даже виртуальных угроз передела в области экономического и политического контроля над ресурсами;
- создание нового глобального транспортного коридора.

То есть освоение арктического пояса следует рассматривать как многовекторный проект, в котором каждый из векторов формирует свою целевую область и предполагает разработку адекватного инструментария достижения целей в его рамках.

Ресурсный вектор. Усилия по сохранению и, возможно, увеличению в длительной перспективе ресурсного потенциала России по существу представляют собой масштабные и долговременные инвестиции в обеспечение статуса России как члена олигопольного клуба поставщиков сырьевых ресурсов для глобальной экономики на длительное время. При этом следует понимать, что арктические ресурсы с экономической точки зрения являются замыкающими ресурсами, имея в виду глобальные балансы наиболее важных сырьевых компонент вектора глобальных продуктов. Причем они являются замыкающими не просто с точки зрения затратных характеристик добычи, переработки и транспортировки, но и с точки зрения капитальных затрат на разведку и подготовку к их вовлечению в экономический оборот. Это означает, что отвлечение для арктического проекта экстремальных по величине национальных ресурсов накопления оправдано только в том случае, если существуют надежные прогнозные оценки, позволяющие судить о временном горизонте, масштабах и ценовых параметрах использования этих ресурсов в глобальном торгово-экономическом обороте.

Если завершающий этап освоения вдоль южной широтной оси пространственного развития связан с ускоряющимся разворотом российской экономики на рынки северо-восточной Азии, то переход к освоению пространства вдоль северной широтной оси фактически означает консервацию в длительном периоде существующей (сырьевой) структуры российской экономики и экспорта, если при этом не предусматривается компенсаторный механизм в форме определения параметров государственной долговременной структурной политики, которая должна была бы обеспечить появление и развитие новых эффективных в глобальном смысле структурных звеньев российской экономики при наращивании традиционного первичного и связанного с ним вторичного секторов экономики.

При этом, конечно, возникает самостоятельная задача оптимального распределения ограниченных инвестиционных, трудовых и технологических ресурсов сразу по двум вышеназванным векторам перспективного развития (наращивание сырьевого потенциала через освоение арктических ресурсов и модернизация экономической структуры). До тех пор, пока не доказана возможность одновременного решения двух этих задач или не найдена оптимальная смешанная стратегия, позволяющая решить обе задачи при заданных на прогнозном интервале количестве и качестве ресурсов, либо арктический проект, либо структурная модернизация будут в основном оставаться скорее возможностью, чем реальностью.

Поддержание оборонно-стратегического баланса. Независимо от того, насколько реальными и в течение какого времени могут быть решены задачи вовлечения в экономический оборот арктических природных ресурсов, само их наличие в рамках российской юрисдикции предполагает решение задачи их охраны и парирования любых, даже виртуальных угроз передела в области экономического и политического

контроля над этими ресурсами. К настоящему времени ведется интенсивная международная деятельность по согласованию юридических и политических проблем принадлежности ресурсов и суверенного контроля над ними в зоне Арктики. Ряд проблем решен, и отдельные позиции согласованы между основными игроками на арктическом ресурсном полигоне (Россия, США, Канада, Норвегия, Швеция, Дания) в области разграничения зон ответственности и контроля [1].

Однако история и современные военно-политические события демонстрируют шаткость существующих равновесий и юридических конструкций, кроме того следует различать статус-кво и намерения отдельных игроков. Примеров неустойчивости ситуации и попыток изменения существующего статус-кво более чем достаточно. Обладая обширным арктическим пространством как сухопутным, так и морским России приходится задумываться и предпринимать конкретные шаги для формирования военно-технической инфраструктуры, обеспечивающей поддержание военно-политической стабильности в зоне Арктики и способной эффективно реагировать на возможные попытки нарушить военно-политическое равновесие в этой зоне. С экономических позиций создание военно-технической инфраструктуры в Арктике также является замыкающим проектом по сравнению с решением аналогичных задач в любой иной географической зоне РФ. Эти затраты приходится рассматривать как своего рода накладные расходы или транзакционные издержки, которые с общеэкономических позиций чрезмерно высоки по отношению к вероятному полезному экономическому эффекту в будущем, но неизбежны и должны в качестве постоянного компонента включаться в общую оценку национальных инвестиционных затрат по освоению и развитию Арктической зоны.

Создание нового глобального транспортного коридора. Усилия по формированию инфраструктуры безопасности и поддержанию военно-политического паритета в Арктической зоне непосредственно связаны с решением в перспективе задачи формирования еще одной ниши для обеспечения устойчивого функционирования российской экономики в глобальной экономической системе. Речь идет о создании нового альтернативного транспортного коридора, который был бы в состоянии эффективно конкурировать в области обеспечения международных транспортно-экономических связей между Европой, Азией и Северной Америкой. В настоящее время Россия располагает таким сухопутным коридором в виде Транссибирской магистрали. Надежды на усиление трансевроазиатской зависимости от функционирования этого коридора уже в течение длительного времени оправдываются не вполне. Причиной этого являются как внутренние проблемы организации и ценовой политики самого Транссиба, так и конкуренция со стороны Южного морского коридора (Индийский океан, Суэцкий канал, Средиземное море, Атлантика), а также набирающая силу конкуренция со стороны Южного сухопутного коридора, так называемого нового Шелкового пути, лоббируемого Китаем (рис. 3).

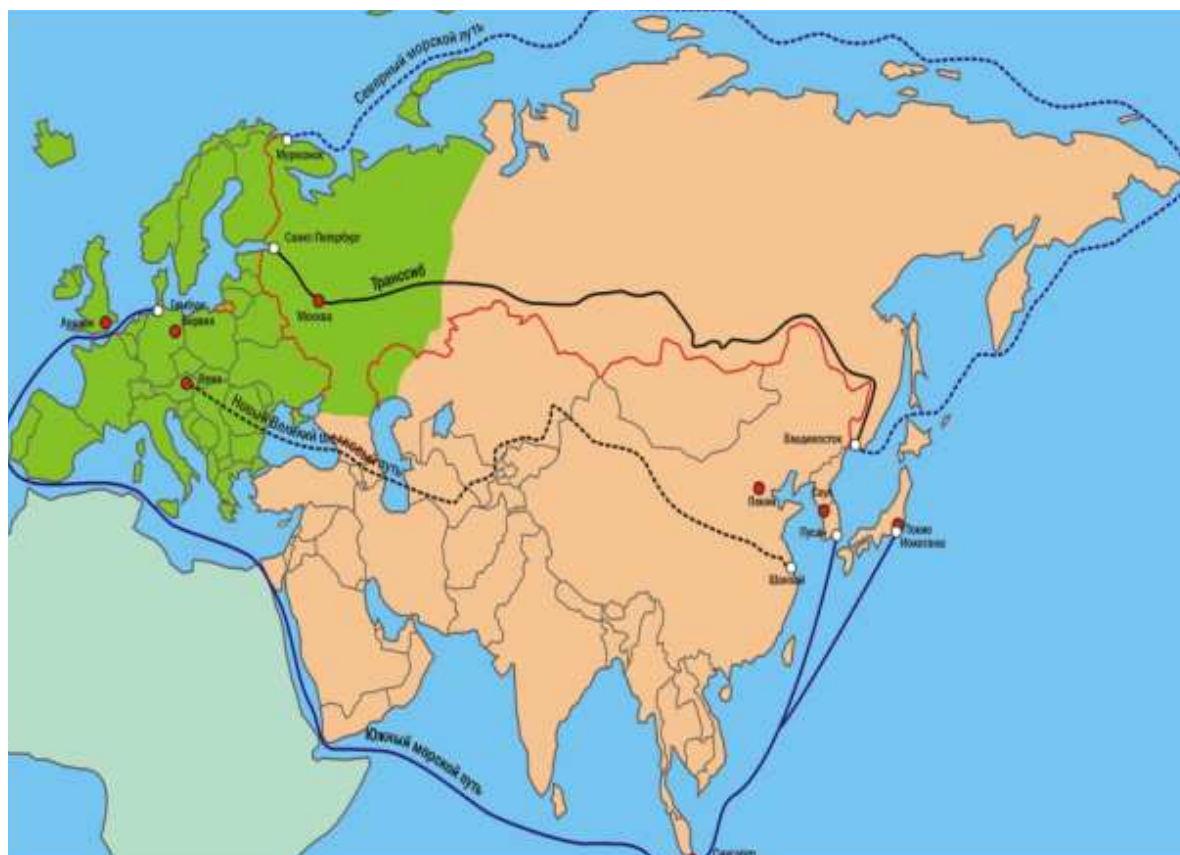

Рис. 3. Трансевроазиатские транспортные коридоры

Прогнозы относительно быстрого изменения климатических условий в Арктике и открытие круглогодичной навигации по Северному морскому пути предполагают повышение оценок эффективности концентрации дополнительных ресурсов для решения задач создания и развития транспортно-производственной инфраструктуры по маршруту Северного морского пути. При определенных условиях этот маршрут может стать разумной альтернативой двум паневразийским железнодорожным коридорам (Транссиб и Шелковый путь) и Южному морскому коридору. Чтобы эта виртуальная возможность стала реальностью, необходимо сосредоточить большие экономические и материально-технические ресурсы для решения многообразных инфраструктурных и сопутствующих социально-экономических задач в зоне этого потенциального маршрута. Речь идет как о создании системы береговых баз снабжения, ремонта, навигационного метеорологического сопровождения, так и о формировании парка транспортных средств, а также о создании условий для размещения в этой зоне минимально необходимого для обслуживания инфраструктурно-технических и военных объектов персонала. Кроме этого, эффективное и масштабное функционирование такого сложного и протяженного экономического и инженерно-технического комплекса невозможно без организации надежной современной системы транспорта и телекоммуникаций с основными экономическими базами и центрами расселения в южных районах РФ.

Вышеописанные три масштабных проекта, которые в совокупности образуют ядро всего арктического проекта, потребуют концентрации значительной части располагаемых страной и доступных для привлечения извне ресурсов. При этом с экономической точки зрения существуют следующие принципиальные вопросы, на которые необходимо ответить:

- какова хотя бы приблизительная оценка объема необходимых для формирования будущей "Арктической экономической зоны" ресурсов и каковы параметры их окупаемости;
- каковы источники финансовых ресурсов;
- какое влияние концентрация ресурсов на арктическом направлении окажет на возможности реализации макроэкономических, социальных и пространственных задач.

Чтобы оценить масштаб затрат на осуществление арктического проекта в полном объеме, необходим комплекс расчетов, в основе которых должно лежать системное проектирование взаимосвязанных действий и объектов, направленных на реализацию каждого из трех вышеназванных сегментов единой программы формирования Арктического технико-экономического пояса (ресурсного, военно-технического, инфраструктурно-экономического). Однако оценка затрат предполагает четкое представление об оптимальном составе подлежащих реализации проектов с точки зрения достижения основных целей в рамках каждого вектора. Традиционным механизмом, который используется для получения подобного представления, является разработка целевой комплексной программы или построение виртуальной модели "Новая Арктика". Пока под программой освоения Арктики имеется в виду лишь научно-исследовательская программа [2], точнее программа научно-исследовательских работ, необходимых для формирования основных концептуальных подходов к построению архитектуры и целевой области будущей целевой комплексной программы.

В действительности проблема гораздо серьезнее, чем просто запаздывание с подготовкой комплексной целевой программы. Технология разработки таких программ хорошо известна [3], имеются многочисленные примеры успешного применения этой технологии как в СССР, так и в зарубежных странах [4]. Пока функционируют основные исследовательские и проектные центры, которые могли бы реально обеспечить подготовку программы. Но за последние 20–25 лет в России произошла подмена понятия "целевая комплексная программа" целым комплексом понятий таких, как "федеральная целевая программа", "государственная программа", "стратегия развития", "стратегический план" и т. п. Конечно, дело в названиях, но названия маскируют существо технологии управления развитием и реализацией проектов.

Целевая комплексная программа рассматривалась и применялась в качестве инструмента централизации ресурсов и управленческих воздействий для реализации сложно структурированных целей в условиях конфликтующих подсистем, ответственных за решение задач, составляющих отдельные компоненты этой цели или целей. Многочисленные же суррогаты, упомянутые выше, представляют собой не более чем форматы для государственного финансирования отдельных задач и/или проектов, являясь в этом смысле своеобразным заменителем плана государственных капитальных вложений, если пользоваться терминологией централизованного планирования. По сути дела подобные "программные документы" являются российским аналогом индикативных планов европейского образца, в которых, как правило, существует множество красивых, но бессодержательных деклараций о необходимости решения тех или иных задач в течение короткого времени при минимальных реальных (государственных) ресурсах и безбрежных фантазиях относительно привлечения "внебюджетных средств". Ссылки на всевозможные псевдоновации в управленческих технологиях типа ГЧП (государственно-частное партнерство) делу не очень помогают.

Выбор между целевой комплексной программой реализации проекта "Арктика", целевыми ориентирами которой являются три вышеупомянутых фрагмента (ресурсы, транспортный коридор, военно-политический контроль зоны), а содержанием – совокупность проектов, обеспечивающих реализацию этих задач, с одной стороны, и программой "социально-экономического развития", которая является набором аморфных пожеланий по решению различного калибра и значения проблем функционирования обширных территорий – с другой,

является основной задачей с точки зрения формирования организационной структуры проекта. С собственно экономической точки зрения реализация целевой комплексной программы направлена на формирование зон концентрированной экономической деятельности по эксплуатации определенных абсолютных и/или сравнительных преимуществ.

То есть в пределах арктического широтного пояса должны быть сформированы (или усилены имеющиеся) локальные узлы на базе эффективных ресурсов или видов деятельности, где могут быть созданы максимально эффективные системы функционирования технических комплексов, инфраструктуры и социальной среды. Конечно, невозможно игнорировать желание субъектов федерации, в пределах которых должны формироваться локальные узлы сосредоточения конкретных объектов, обеспечивающих реализацию целей проекта и эффективные системы функционирования технических комплексов, инфраструктуры и социальной среды, получить возможности для развития всей территории, обеспечить улучшение перспектив выполнения в полном объеме своих социальных и коммунальных обязательств. Но это не должно приводить к противоречию между нестандартностью проблемы реализации собственно арктического проекта и традиционностью подхода к "социально-экономическому развитию арктических регионов".

Использование организационно-финансового трафарета – программа социально-экономического развития регионов – обуславливает совершенно определенную логику рассмотрения проблемы и проектирования вариантов ее решения. Проект формирования зоны концентрированной экономической деятельности по эксплуатации определенных абсолютных и сравнительных преимуществ превращается в набор аморфных пожеланий по решению различного калибра и значения проблем функционирования обширных территорий, которые формально отнесены к Арктической зоне, но зачастую большая часть которых не имеет никакого отношения к реализации конкретных проектов. Смешиваются две различные проблемы.

Во-первых, проблема реализации экономического, технического и институционального проекта, нацеленного на определенный ресурс или функцию и локализованного на ограниченной территории, которая оптимальна с точки зрения реализации именно этого проекта. С территориальной точки зрения только эта территория является предметом так называемого "освоения" и создания максимально эффективных систем функционирования технических комплексов, инфраструктурных условий и социальной среды. Во-вторых, существует проблема распределения дохода от реализации созданных проектов. Поскольку эти проекты реализуются на локальных территориях в пределах тех или иных крупных административно-территориальных образований, которые с полным основанием рассматривают эти территории как свое потенциальное экономическое достояние, часть дохода, полученного от эксплуатации расположенных на данной территории и опирающихся на ее возможности объектов, должна доставаться именно этим административно-территориальным образованиям. То есть эти субъекты федерации имеют бесспорное основание рассчитывать на ренту, которая в данном случае рассматривается как земельная или горная рента. Способы использования этой ренты, приоритеты в решении конкретных задач данных территориальных образований определяются ими самими. Следовательно, речь не должна и не может идти о подмене программы формирования арктического ресурсного полигона и/или арктического глобального транспортного маршрута программой социально-экономического развития арктических территорий. В противном случае, как показывает опыт осуществления многочисленных территориальных программ, не будут достигнуты цели ни первой, ни второй программы.

Это тем более важно, потому что специфика северного широтного пояса освоения, как показано выше (рис. 1), исключает возможность ограничения ареала арктического проекта только собственно арктической зоной. Замыкающий характер затрат и ограниченность разнообразия возможных видов деятельности означает, что значительная и даже основная часть материально-технических и технологических, а также в ряде случаев и трудовых ресурсов должна быть размещена в южных для арктического пояса регионах, которые являются важнейшей "тыловой базой" для освоения Арктики. Следовательно, если основывать освоение Арктики с организационной точки зрения на технологии "программ социально-экономического развития", то ареал такой программы, а точнее совокупности таких программ расширяются практически до размеров всего экономически эффективного пространства России.

Необходимо особо подчеркнуть, что без формирования адекватных стабильных и долговременных условий для получения территориальной ренты "арктическими" субъектами федерации надежды на получение долговременного социально-экономического эффекта от проекта "Новая Арктика" беспочвенны.

Заключение

Проблема определения финансового и материально-технического обеспечения арктического проекта, формирования и использования адекватного технологического потенциала является ключевой. Принципиально ресурсы этой программы могут рассматриваться либо как преимущественно внутренние, либо как смешанные. Опуская обсуждение возможности формирования широкого международного консорциума, для чего необходимы соответствующие политические условия, необходимо понимать, что даже в случае успешного смешанного финансирования многообразных экономических инфраструктурных, социальных, технологических, технических задач в рамках этого проекта ресурсная нагрузка на российскую экономику будет чрезвычайно высока, особенно учитывая неблагоприятную сейчас и в ближайшей годы перспективу преодоления затяжной

экономической стагнации, переходящей с конца 2014 г. в полномасштабный экономический кризис, длительность выхода из которого будет сопоставима с длительностью самой стагнации (3–5 лет) [5]. В любом случае реализация арктического проекта будет означать перераспределение имеющихся общественных ресурсов (как государственных, так и частных) в его пользу, что равносильно увеличению вероятности появления негативных трендов как в других сегментах экономической структуры, так и для других территориальных образований. То есть формирование формальное или неформальное столь крупной стратегической программы, имеющей не только общенациональное, но и глобальное предназначение, неизбежно связано с появлением конфликта интересов как между экономическими агентами, так и между политическими субъектами, каковыми являются территориальные элиты. Этот институционально-политический аспект программы должен не просто учитываться, но стать важнейшей и первоочередной подпрограммой в случае формирования глобальной программы создания новой территориальной базы стратегического развития страны.

Библиографический список

1. Дынкин А. А. Международно-политические условия устойчивого развития и обеспечения безопасности в Арктической зоне Российской Федерации // Научно-технические проблемы освоения Арктики. М. : Наука. 2015. С. 14–22.
2. Павленко В. И., Подоплёкин А. О. Научный компонент российской политики в Арктике: актуальные аспекты программирования и институционального обеспечения арктических исследований // Арктика: экология и экономика. 2015. № 1. С. 4–9.
3. Минакир П. А. Экономическое развитие региона: программный подход. М. : Наука, 1983 ; Лемешев М. Я., Панченко А. А. Комплексные программы в планировании народного хозяйства. М. : Экономика, 1973 ; Новиков Е. Д., Самохин Ю. М. Комплексные народнохозяйственные программы. М. : Наука, 1976 ; Олдак П. Г. Принципы программного подхода. Новосибирск, 1970 ; Чепурных И. В. Региональные целевые программы // Комплексные программы (Вопросы разработки и использования). М., 1978.
4. Павлов Ю. М. Региональная политика капиталистических государств. М. : Наука, 1970. С. 388.
5. Минакир П. А. Антикризисная программа: заблуждения и ожидания // Пространственная экономика. 2015. № 1. С. 7–13.

References

1. Dynkin A. A. Mezhdunarodno-politicheskie usloviya ustoychivogo razvitiya i obespecheniya bezopasnosti v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [International and political context of sustainable development and security in the Arctic zone of the Russian Federation] // Nauchno-tehnicheskie problemy osvoeniya Arktiki. M. : Nauka. 2015. P. 14–22.
2. Pavlenko V. I., Podoplyokin A. O. Nauchnyiy komponent rossiyskoy politiki v Arktike: aktualnyie aspekty programmirovaniya i institutsionalnogo obespecheniya arkticheskikh issledovaniy [The scientific component of Russia's policy in the Arctic: Topical aspects of programming and institutional support for Arctic research] // Arktika: ekologiya i ekonomika. 2015. N 1. P. 4–9.
3. Minakir P. A. Ekonomicheskoe razvitie regiona: programmnyiy podhod [Economic development of the region: programme approach]. M. : Nauka, 1983 ; Lemeshev M. Ya., Panchenko A. A. Kompleksnyie programmy v planirovaniy narodnogo hozyaystva [Complex programmes in planning of national economy]. M. : Ekonomika, 1973 ; Novikov E. D., Samohin Yu. M. Kompleksnyie narodnohozyaystvennyie programmy [Complex economic programmes]. M. : Nauka, 1976 ; Oldak P. G. Printsipy programmnoy podhoda [Principles of programme approach]. Novosibirsk, 1970 ; Chepurnyh I. V. Regionalnyie tselevyie programmy [Regional programs] // Kompleksnyie programmy (Voprosy razrabotki i ispolzovaniya). M., 1978.
4. Pavlov Yu. M. Regionalnaya politika kapitalisticheskikh gosudarstv [Regional policy of capital countries]. M. : Nauka, 1970. P. 388.
5. Minakir P. A. Antikrizisnaya programma: zabluzhdeniya i ozhidaniya [Anti-crisis program: Errors and expectations] // Prostranstvennaya ekonomika. 2015. N 1. P. 7–13.

Сведения об авторах

Минакир Павел Александрович – ФГБУН Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, д-р экон. наук, академик РАН, директор; e-mail: minakir@ecrin.ru

Minakir P. A. – Institute of Economic Researches FEB RAS, Dr of Econ. Sci., Academician RAS, Director; e-mail: minakir@ecrin.ru

Горюнов Александр Павлович – ФГБУН Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, канд. экон. наук, зам. директора по науке; e-mail: alex.goryunov@gmail.com

Goryunov A. P. – Institute of Economic Researches FEB RAS, Cand. of Econ. Sci., Deputy Director on Science; e-mail: alex.goryunov@gmail.com